



Виктор Михайлович Петров родился в 1949 году в Томске. Окончил Томский государственный университет. Служил в армии. Участвовал в археологических раскопках и исследованиях в Сибири. Публиковался в «Литературной газете», журналах «Сибирские огни», «Радуница», «Очаг», «Сельская новь», в антологиях и периодике. Автор ряда научно-популярных книг, стихотворных сборников «Колчан сибирских стрел», «Заян», «За пределами суток», «Параллельные миры» и др. Член Союза писателей России. Живет в городе Лобня Московской области.

Виктор Петров

НА ГРАНИЦЕ ВИДИМОГО И НЕВИДИМОГО

(Современный литературный процесс
в книге критика Вячеслава Лютого
«Предназначение»)

Новая книга Вячеслава Лютого¹ читается как захватывающее, поглощающее произведение, цельное, по временам критическое, но более всего — поэтическое по богатству и ясности языка писателя, художественное по своей глубинной сути, голубиной чистоте стиля. Я принимал эту книгу капля за каплей, как лекарство, исцеляющее от хвори.

Прежде всего, несколько слов о названии книги. Каждый человек, и народ в целом, имеет свое предназначение, как в реальном мире, так и в надмирном духовном бытии. Слово распускает свои лучи во все стороны света. Оно, ударяясь о горнее зеркало Неба, преломляется и достигает читателя в своем земном, но и уже небесном облике. Одно из важнейших предназначений литературы — осведомить нынешнее положение дел и вещей, чтобы читатель мог ориентироваться в их многообразии и проникать в ближайшее будущее, то есть выбирать траекторию жизни к верной цели. Каждый из нас находится в вечно текущей, изменяющейся реальности, которая таится от нас, не желая раскрывать свои тайны. Ее движение

¹ Вячеслав Лютый. Предназначение. О литературе и современности. — Воронеж, 2022.

должен поймать и понять писатель. Выполняют ли авторы свое предназначение? Это зависит от множества факторов, но, может быть, главный из них — владение искусством слова и мистическая отражающая способность его души видеть как земное, так и небесное (чист душой, высок духом, светоносен).

Много ли у нас таких дарований? Если судить по критическим высказываниям Вячеслава Лютого, вполне достаточно. В самом названии книги — «Предназначение» — уже сокрыто слово «дарование», хотя бы его житейская, социально-человеческая суть, а именно сильное, непреодолимое внутреннее влечение к Слову, а дар — это уже от Бога.

Церковнославянский язык, который в царской России входил в программу начального образования, хранил меру реально-телесных и духовно-небесных слов, причем «присно» (всегда) и «вовсеки веков». *Небыточные* слова (ниспосланные свыше) оживляли речи мирские. Михайло Ломоносов определял язык православной церкви как высокий поэтический стиль. Современная школа исключила из программы образования и древнерусский, и церковно-славянский языки. Как же нам почувствовать глубинные корни родной речи? Только через устную народную словесность и православную молитву. Вот и получается, что беднеет наш язык, и лишь в интуициях поэтов и писателей проглядывает слово высшей правды.

Книга «Предназначение» состоит из четырех частей. Первая часть называется «Провиденциальный собеседник». Вопросы читателей и ответы критика — онлайн-встреча на сайте «Российский писатель». Какая при этом возникает многоголосица! Из содержания вопроса становится ясно, насколько болезненно читатели воспринимали плачевное положение дел в современной литературе. В катехизисной форме вести беседу чрезвычайно трудно, вынужденно приходится находить краткие способы ответов, афористично формулировать свое критическое кредо. Провиденциальный собеседник ожидает провидческих, вещей ответов. Но у каждого вопрошающего есть своя, уже сложившаяся точка зрения, и с этой точки они смотрят на предмет. Если бы они обошли этот предмет, как, скажем, обходят со всех сторон скульптуру, то, возможно, ответ и не потребовался бы.

Может ли писатель «заходить за факты»? Ответить односложно «можно» — значит, оставить читателя неудовлетворенным. И Вячеслав Лютый виртуозно находит определение: да, «если после прочтения возникает *послесвечение*» — это явный признак истинности и художественности поэтического произведения. В.Д. Лютый считает себя прежде всего критиком поэзии. Он убежден, что многое в поэзии постигается через интуицию, высвечивая смыслы через внутреннее ощущение *послесвечения*. Впрочем, в дальнейшем он дает и другие критерии распознавания истинно художественного произведения. Но об этом впереди.

Часто любители отечественной словесности нарочито бьют своими вопросами по болевым точкам состояния современной прозы и поэзии. Автору критической книги приходится заходить в своих ответах за границы вопроса, а иногда и уклоняться от прямого ответа, дабы не упрощать его сути. Например, как оценить поэтическую вещь: это подделка, ширпотреб, эпигонство или художественное произведение? Ну не говорить же банально о «мурашках по телу»! Что же, это тоже общепринятый критерий, значит, проняло до самых глубин души. Пусть и на физиологическом уровне. Станиславский сказал бы: «Верю!»

Многие задают довольно каверзными вопросами, например: «Почему правящая верхушка не имеет в голове национальной идеи?», «Где хорошая книга, художественная?» В наши дни до сих пор в культуре правят бал либералы, и трудно с этим не согласиться. Люди без Отечества, они на свой вкус отбирают «пошлые поделки», а «не слова правды и любви», как замечает автор «Предназначения». Да это и так понятно, если прибыль от книгопродаж приносят именно такие сочинения. Но Вячеслав Лютый подмечает, что на передовом рубеже нашего движения в будущее уже

появился «атом идеи», а за ним стоит реальность сегодняшнего дня. Зарождается идея-образ пока еще в виде крупички, но в питательной среде начинает уже расти, превращаться в жемчужину, пусть медленно, но неотвратно.

Возможно, не случайно «идея» ассоциируется с чисто человеческим вопросом «идея я?», с попыткой понять, откуда и куда мы идем, и дойдем ли? Так объективно выявляются новые «цивилизационные устремления Российского государства». Не революционных преобразований (проходили уже!) желают люди, и не новизны, но обновления. А пока в некотором «безвременье» можно лишь наметить «ценностный ряд писательских имен». И Вячеслав Дмитриевич называет их, удовлетворяя просьбы читателей. Он провидчески и хирургически точно отсекает от передовой когорты имена деятелей, не связанных с отечественными корнями и ориентированных на чуждые нам ценности. И этот процесс закономерен: «В ближайшие годы произойдет переформатирование нашего государства и культуры, высоко будет долгожданным и доступным». Хочется верить интуиции Лютого, тем более что в наши дни это пророчество начинает естественным образом сбываться. Некоторые имена уже исчезают или, по крайней мере, вытесняются с российского литературного небосклона в направлении заката (В.Д. Лютый называет их) как привнесенные (эгоцентричное копание в собственной особе и бытовых мелочах), не обогащающие русскую идею и отравляющие русское слово. Эти имена литераторов информационно раздуты и не имеют почвенно-родовой связи с тысячелетней историей отечественной словесности. Обращаясь к подобным предствителям «оригинального» творчества, критик подчеркивает их вырванность из потока времени: «Не с тобой все началось и с твоим уходом все не закончится». Вопросы-ответы, как бы разгоняясь на центрифуге, переходят в блиц-интервью. На такой скорости можно лишь обозначить самое существенное. Как барабанный бой звучит: «Куда ведет литература?» Ответ критика прям и упрям: следует продолжать традиции русского реализма, основанного на правде вечной жизни, не повторять, но продолжать их в новых, довольно смутных условиях. Не обольщаться новизной форм, техническими изысками, не следовать за теми, кто объявляет реализм давно изжитым, отсталым, чуть ли не ветхим течением. Он призывает не верить на слово таким «модным» писателям, подчеркивая: мода пройдет, а реализм останется. Необходимо талантливо вернуть реализму ясность и точность земных деталей и образы мечты небесной высоты, наполнить реализм духовностью. Вот такая система координат: мирская горизонталь и вертикаль надмирного («духовное вещество»). Мы знаем, сколько раз за двадцатый век пытались, спешили сбросить русский реализм с «корабля современности». И что же? Он вновь восставал из пены морской — прекрасный, живой, полноценный. Реализм вбирает в себя все жизнеспособное, стремясь к росту, все литературные течения, он и есть то море, в коем хотели его утопить, он необъятен. Он может быть критическим, или соцреализмом, даже сказочным, эпическим, фантастическим, метаметафорическим, натурреализмом, сюрреализмом, мистическим... Но никогда слово не покидает рамок реализма.

Он вырастает на отечественной почве, и подчас плоды его горчат. Есть неурожайные годы, заморозки и оттепели, но это все равно лучше, чем гидропоника, накачивание плодов химией на эрзац-почве.

У Вячеслава Лютого есть много мудрых советов и точных выражений, охватывающих суть творческого процесса. При быстрых ответах на вопросы он умело оперирует ими. Особенно часто критик говорит о необходимости терпения в творческом процессе: «Поспешность очень вредна для творческого развития». «Тщательный ум...» Изречениями критика нельзя не восхищаться, а их совокупность слагается в некий образ-идею, указывающую свет на пути творца. «Личное короткое дыхание поэта словно вытягивалось, становясь длинным, — и появлялась эпика». «Писатель лишь отчасти хозяин своего дара: он ему вручается на время высшей силой».

«Я вижу современную поэзию многообразной и цветущей». «Главное — поэтический голос». «Художественная территория поэта». «Славянская родовая память связана с пиршеством природы».

Есть остроумные выражения, относящиеся к тем поэтам, чье творчество критик не принимает. «Я не люблю пристрастий эгоистического порядка». «Когорта авторов, которые не переносят все русское или равнодушны к нему». «Самовыражение любой ценой». «Стилевые симуляторы». «Модернистские эпигоны». «Имитация голоса». «Горькое время поделок».

«Довольно слез и тяжелых вздохов — мы на духовной войне, и у нас нет права на уныние... Есть дети, есть внуки — от старшего поколения им нужен жизненный импульс, а не пьяные слезы». Все это опорные камни критики Вячеслава Лютого.

Многоголосица первой части книги завершается программными статьями, словно ручьи входят в русло спокойной и глубокой реки, и поименованы они значительно: «Кто мы? Где мы? Куда мы идем?», «О русском слове в наши дни», «Заканчивается время обморочного сна». И вновь речь идет о реальности — мировой и надмирной.

Откуда взялась у нас «когорта авторов, которые не переносят все русское»? Да частично из того же классического для русской литературы XIX века критического реализма, от интеллигентской привычки критиковать все «наше», с позиций западных ценностей и культуры. Вот эта традиция и заклонила писателей-либералов. Конечно, это мое упрощение, но я вправе к нему прибегнуть, чтобы обострить явление. Дело в том, что довольно долго (девятидесятые — нулевые годы особенно) власти от российской культуры покровительствовали либеральному направлению, считая свою позицию современной и отвечающей тенденциям мирового художественного развития. Над почвенниками посмеивались, как над отсталым элементом, а патриотизм называли в лучшем случае «сермяжным». Такая своеобразная отрывка идеологии интернационализма. Подобное вполне объяснимое лукавство дорого обошлось богатству и чистоте русского языка. Накопившийся негатив разрушал его природную, глубинную ткань, и некоторые писатели, словно водомерки, пошли не в глубину, а стали чертить вычурные узоры, стараясь превзойти друг друга в оригинальности стиля. Ни с человеком, ни с народом, ни с Богом они уже не говорили, замкнувшись на «себе любимых». Но, слава Богу, морок, идущий с запада, начинает постепенно спадать.

Лютый приводит в книге конкретные имена писателей и поэтов ясного народного слога и деятелей противоположного лагеря, чурających классической глубины и ясности. Он считает, что будущее в правде, в художественной правде, и именно она ведет в то реальное грядущее, где пока еще не просматриваются дороги. Он верит в русское слово и вновь и вновь напоминает о терпении. Пытаясь ускорить рост, мы подчас напоминаем нерадивого садовника, который тянет деревце за верхушку с благими намерениями ускорить его рост, но в это время корни болтаются в воздухе.

Но где ставить вешки? Думается, чтобы художественно осилить весь путь, мы должны пробить пласты древнерусского и старославянского языка и погрузиться в пучину индоевропейского языка, поскольку именно в языке коренится горячий мате-



риал глубокой поэзии, тот «горючий камень», сквозь который необходимо пройти. Часть первая книги завершается жизнеутверждающими словами: «Настоящая русская словесность переживет и эти выморочные времена, сохраняя себя, да и читателя, — старого, уставшего, но не покорившегося мертвой эпохе, и нового, который найдет красоту и тихий свет в книге, по великому Промыслу попавшей в его бережные и чуткие руки».

И тут мы подходим ко второй части книги — «Сквозь камень». Теперь, когда определено общее направление и развитие литературы, Вячеслав Люты́й сосредотачивается на самом ее острие — на поэзии.

Под критическим увеличительным стеклом автор подробно рассматривает персоналии поэтов последнего столетия русской литературы. В книге приводятся имена и подробно исследуется творчество отдельных представителей русского художественного реализма. Прежде всего, интерес для меня представляет мысль Лютого о том, что «воцерковление литературы» было бы несомненным шагом назад, катастрофой для развития русской прозы и поэзии. Действительно, тогда достаточно было бы читать «Добротолюбие» и молиться. Но куда девать все древо русской поэзии, с его необъятной кроной, с его мощным стволом и глубинными корнями? Куда девать почву, на которой произросла российская словесность, с ее подземными водами и ключами? Куда все это девать? Ведь разнообразие и многоцветность русской поэзии как раз и составляют основу художественного реализма.

Вячеслав Люты́й мне близок по своим мировоззренческим и философским взглядам. Особенно мне дорого его отношение к глубинной русской традиции, к передаче народных ценностей через цепочку поколений. Протопопа Аввакума — как писателя — он понимает как сердцевину русского креста. Да, в его прозу и поэзию входит очень древнее православие, но и чисто народное цветение весны и лета. Он волей исторической судьбы стоит на перекрестке российской словесности, именно российской, а не только русской. Хотя он субъективно воспринимал свою эпоху не иначе как «зиму еретическую». В чем-то наши времена перекликаются, хотя усложнение нынешнего — налицо. Тот же разгар зимы на рубеже тысячелетий. И, как читатель уже догадался, мне очень симпатично слово-мысль или, вернее, мысле-образ — терпение. Нам всем этого высокого качества недостает. Борис Пастернак писал: «...во всем моя ненависть растянутость видит, и жаль, что хлыста нет». Это так по-человечески, но не совсем по-русски. В том-то и дело, что не ненависть, а любовь — движитель русской поэзии. У Блока поэт — «весь дитя добра и света...» В противном случае он теряет корни своей души, а в итоге и то теряет, что стоит за словом «патриотизм».

От поэта В.Д. Люты́й ждет: «ясности образного мышления, обостренного чувства справедливости»; «разбуженную родовую память, соединение с древними интуициями»; «православного подвижничества и жертвенности»; «чистоту интонации, тягу к Небу и нежность ко всему живому» — и многое другое. И он находит эти качества в современных поэтах.

Например, в статьях о Юрии Кузнецове есть то, что критик называет «духовный стержень». Он ценит «его попытку стянуть разрыв дохристианской мистической жизни русского человека — и его более поздних евангельских трудов и подвигов». Духовность истинно русского (древнерусского) человека неоспорима. Это — константа всех поколений писателей и поэтов, как Руси, так и России. Юрий Кузнецов поставил перед собой сверхзадачу воссоединить в своем творчестве «непрерывность русского славянского рода». Критик Люты́й убедил меня, читателя, что Юрий Кузнецов писал «о главном смысле человечества» с только ему присущей силой, вместо вдохновения применяя «механизм озарения». Он уверен, что поэт опередил свою эпоху.

Но какой богатый, образный язык у самого критика, какие глубокие замечания рассыпаны в текстах трех статей о Юрии Кузнецове: «родовое одиночество», «эффект сопереживания, без которого не может существовать поэзия», «невозвратность» и

«подкладка очевидного», «настоящее, которое соскальзывает в будущее», «смена времен века»...

Возможно, критик излишне категоричен, когда утверждает, что он (Кузнецов) «соединил кровное и евангельское», что перед нами «мудрый художник и наследник всех эпох отечественной истории», что в его творчестве обозначен «единственный путь русского самосознания». Но трудно с ним не согласиться.

Огромное спасибо Вячеславу Дмитриевичу: он заставил меня по-новому — более пристально — взглянуть на творчество поэта Юрия Беличенко. Написав книгу о Лермонтове, поэт буквально родился вновь: «в его стихах появилось неуловимое знание о том, что есть жизнь и что мы в ней значим». Двойная жизнь открылась перед ним: «мир земной, живой, но тленный — и мир неведомый, заветный, вечно живой, не знающий смерти, свободный от лжи и зла». Вот это и называет Лютый реализмом.

Много интересных наблюдений сделал критик в своих монографических статьях о современных русских художниках слова и о поэтах позапрошлого века, например, об Алексее Кольцове: «Умолкнут легкомысленные суждения о «вчерашнем дне» кольцовской музыки, и станет очевидным, что ее традиции — своего рода показатель жизненной силы русского поэтического слова, показатель его универсальной способности коснуться всего и каждого — и сохранить свою естественность, обозначенную именем автора».

Поэзия всегда рождается «на границе видимого и невидимого», в ней «реальная жизнь соизмеряется с запредельной». В поэзии невозможна подделка «под стиль», неприемлем «поэтический иллюзионизм», «энтузиазм душевнобольного». Действительно, есть поэзия и непоэзия, есть реализм и словесная конструкция. Есть литература «родового корня» и есть враждебное писательство.

Третья часть книги — «Воронежский литературный горизонт» — получилась самой лирической. Это истинное «душевное краеведение», более близкое романтическому повествованию, нежели критике. Какое удивительное разнообразие русской словесности было на местах, особенно в областных, да и в районных центрах. Какие диковинные поэты творили и в рамках реализма, и в узких рамках неистового модернизма, от патриотически настроенных до диссидентствующих и тех, кто не шел протестным строем. Крах социализма и союзной государственности выбросил всех оптом за пределы внимания власти. На три десятилетия литература стала нищенски, но без властной опеки, существовать «на правах падчерицы в большом доме государственной политики».

Одно ясно: то, что вызревало в советские годы, уже не повторится в нашей истории. Но жалеть об этом не стоит. Воронежские поэты эпохи социализма и перестроечных смутных лет имели свое лицо. Лютый предпочитает говорить не «район» или «область», а «край»: «Художественная почва нашего края... имеет не похожие ни на что другое черты». Да, это так, как, впрочем, и почва Томска, Вологды, Рязани... Но схожесть есть всего корневого, общерусского.

С большой нежностью и любовью Лютый рассказывает о плеяде талантливых поэтов воронежского литературного объединения «Лик» (с 1987 года), где собирались так называемые либералы и патриоты, консерваторы и новаторы, традиционалисты и экспериментаторы — все «сходятся за одним столом и, несмотря на разногласия, все же находят общую точку зрения... волшебство самой поэзии завораживало наш ум». Там была долгая дружба, взаимопомощь молодых и все более и более взрослеющих писателей и поэтов. Да, тогда еще они сидели за одним столом. Скажу, что это лучшие страницы книги «Предназначение». Вот, к примеру, Лютый говорит о поэте Михаиле Болгове, который по всем признакам вроде бы не соответствует мировоззрению критика: «Есть неизъяснимое очарование в простоте и изяществе слов, в отвлеченном от реальности поэтическом рассказе, в напряжении, владеющем душой автора, в его голосе, похожем на звенящую струну». «Главной бедой современной поэзии можно назвать утрату *неизъяснимости бытия*», — считает Вячеслав Лютый. Какая красота, какая поэзия звучит в этом утверждении!

У многих воронежских авторов Лютый слышит особые интонации голоса, видит нравственность почерка, высокую плотность образов, новизну организации стиха. Он находит что-то важное, ценное — и это «в эпоху эгоцентризма»! Благодарность — редкий ныне дар, а уж в среде современных критиков, кажется, и вовсе неуместный. Могу сказать: счастливо поколение литераторов, которым еще терпеливо расти и расти, у которых есть такой литературный критик.

Четвертая часть — «Отсвет в дальнюю даль» — предполагает, судя по названию, взгляд в будущее нашей литературы, что было бы вполне уместным в завершении книги. Тут критик как будто ставит линзу, чтобы собрать множество лучей в один луч, прожигающий время. Но какая же трудная, почти непосильная задача стоит перед ним! Дело в том, что здесь в основу критического взгляда были взяты прозаические произведения, а не поэзия, призванная узреть другой берег времени. Но и поэзия, несмотря на все разнообразие, занята другими проблемами: уходит в прошлое, порицает или расцветивает современность, но не разведывает абрис грядущего. А проза — она более тяжеловесна, приземлена и неповоротлива.

Даже критический взгляд на творчество Василия Белова, рисующего живые страницы русского быта, Лютому видится как «гимн русской крестьянской культуре». Нет сомнения, «Лад» — книга великая, и она содержит «код древней русской цивилизации», но имеет отношение более «к русскому фундаменту», без которого невозможно строить храм грядущих дней, но до самого строительства дело не доходит. Мечты автора разбились о чиновничье пренебрежительное, обидное для русского человека, сквозь зубы брошенное определение «деревенщички». Илью Муромца тоже называли мужиком, деревенщиной, да еще и в глубокий погреб посадили. А выпустили лишь в момент опасности, когда враги обступили былинную Русь.

Много имен прозаиков русского корня, наделенных даром, патриотически настроенных, умудренных жизнью, называет Вячеслав Дмитриевич, перебирая поименно богатырей русского пера. Среди них уже ушедшие Василий Белов, Михаил Лобанов и ныне работающие на литературной ниве Владимир Личутин, Михаил Тарковский, Василий Киляков, и еще многие другие. Но для одних не находится издатель, другие еще не прорвались к массовому читателю в силу порочной издательской практики. Прискорбно еще, что в «изображении национального характера» писатели обращаются к историческим фигурам, не находя их в современниках.

Мировоззренческий роман Андрея Тимофеева «Пробуждение», по мнению критика, застрял где-то на границе сна и «литературного реализма». Собственно, пробуждения как такового в нем и нет. Вернее, есть «внешняя сторона реальности, но не ее неразгаданная сердцевина». Вместо современного «среза бытия» мы видим «инсценировку на заданную тему».

Завершается книга «Предназначение» критикой фантастических романов Евгения Чебалина. Казалось бы, где, как не в жанре фантастики, мы найдем хотя бы импульс в будущее, хотя бы смутный образ нового для нас мира и человека. Нет этого! Всюду степь, нет ни одного крупного явления. Даже молнии не во что ударить!

Рэй Брэдбери, фантаст, в одном из рассказов провидчески пишет, что в некоем отдаленном будущем не нашлось писателя, достойного рассказать о времени и о себе. И тогда, подключив энергию планеты, воскресили американского писателя Томаса Вулфа. Он заговорил, и люди поняли, куда им идти. Что же делать нам, русским? Воскресить Аввакума Петрова, Федора Достоевского, Михаила Булгакова?

А вдруг гении русского духовного реализма рождаются вот именно в наши дни и в скором времени явят себя миру? Ведь сказано же Лютым оптимистично, хотя и несколько печально: «Русская жизнь еще не кончена: она затаила дыхание и копит силы для новой, трудной и неведомой дороги».

Дай-то Бог!